

МЕРКАНТИЛИЗМ: РАЗРУШИТЕЛЬНОЕ СОЗИДАНИЕ, ФИНАНСЫ И МАШИНЕРИЯ ТЕОРЕМЫ ТОМАСА

Д.С. Хаустов

Иркутский государственный
университет путей сообщения

dmitry.khaustov@rambler.ru

Цель статьи – проанализировать роль меркантилизма в контексте хозяйственной политики времен кризиса XVII в. Традиционно исследование меркантилизма осуществляется в рамках дискурса истории экономики. Однако автор провел анализ не только с позиций теории финансов, но и исторической социологии, а также демографии и климатологии. Автор полагает, что меркантилизм – это и политическая практика по случаю, и осознанная необходимость, и разрушительная финансовая технология. Рассмотрены в основном отрицательные стороны меркантилизма как экономической политики и финансовой технологии. Основные требования идеологии меркантилизма провоцировали агрессивную внешнюю политику – внутриевропейские войны и захват колоний. Сделан вывод, что у меркантилизма были метаэкономические причины – демографические и климатические. Политика меркантилизма была ответом на попадание европейских обществ в мальтузианскую ловушку в XVII в., возникшую в результате перенаселения и глобального похолодания. Из мальтузианской ловушки возможно два выхода. Первый предполагает внешнюю агрессию с целью увеличения доли все уменьшающегося количества ресурсов мировой экономики в период кризиса. Второй выход – создание новой, более широкой ресурсной базы на основе инноваций и дешевого труда маргинализованных слоев населения. Результатом применения на практике идеологии меркантилизма в XVII в. стало самоисполняющееся пророчество, которое стигматизировало категорию «долг» и таким путем уничтожило народные кредитные системы в Англии предшествующей эпохи. Кредитные деньги были заменены в обращении металлической наличностью, а труд маргинализованных слоев стал одной из предпосылок промышленной революции.

Ключевые слова: меркантилизм, кризис XVII в., самоисполняющееся пророчество, теорема Томаса, мальтузианская ловушка, народные кредитные системы.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-3.2-63-74

Введение

Широко известно, что меркантилизм – это совокупность весьма разнородных политико-экономических доктрин, осмысливаемых практическими политиками и авторами трактатов XIII–XVIII вв., обосновавших необходимость активного вмешательства государства в хозяйственную деятельность в основном в форме протекционизма – установления высоких импортных пошлин на промышленные товары, выдачи субсидий национальным производителем

лям на создание экспортной продукции и импортозамещения и т. д.

Адам Смит был известным противником меркантилизма и монополий, что, например, можно проиллюстрировать следующим пассажем из его наиболее известного произведения: «Монополисты, поддерживая постоянный недостаток продуктов на рынке и никогда не удовлетворяя полностью действительный спрос, продают свои товары намного дороже естественной цены и поднимают свои доходы... значительно

выше их естественной нормы. Монопольная цена во всех случаях является высшей ценой, какая только может быть получена. <...> Подобные повышения рыночной цены могут держаться до тех пор, пока сохраняют силу правительственные постановления, вызывающие их [курсив наш – Д. Х.]» [19, с. 130–131]. Показательно, что А. Смит отмечает связь государственного аппарата и монополистических структур. В 99 случаях из 100 то же самое можно сказать и о политике меркантилизма. Рондо Камерон отмечает, что более столетия после того, как Смит в 1776 г. опубликовал свое «Исследование о природе и причинах богатства народов», термин «система меркантилизма» имел откровенно издевательский оттенок: по-видимому, меркантилистов считали чужаками. Однако уже в конце XIX в. ряд немецких историков и экономистов, представителей так называемой новой исторической школы, в особенности Густав фон Шмоллер, радикально пересмотрели это понятие. Для них, искренних патриотов, живших в период объединения Германии во главе с Пруссией, меркантилизм был, прежде всего, политикой государственного строительства, проводимой мудрыми и просвещенными правителями, образцом которых был Фридрих Великий [9, с. 163]. В свою очередь, отечественные исследователи времен позднего СССР отмечали, что «А. Смит без всяких оснований высмеивал меркантилизм как разновидность суеверий средневековья..., а последующие буржуазные экономисты вплоть до наших дней характеризуют воззрения меркантилистов как наивные и странные» [5, с. 379]. Известный французский историк экономики Фернан Бродель, говоря о меркантилизме, полагал, что «этот ярлык удобно объединяет целую серию действий и форм тактики, проектов,

идей, опытов, которыми было отмечено в XV–XVIII вв. первоначальное укрепление позиций современного государства перед лицом конкретных проблем, с которыми ему пришлось столкнуться» [3, с. 556]. Однако очевидно, что перед европейскими государствами за столь продолжительный срок вставали весьма разнообразные проблемы: следовательно, и набор возможных рецептов был весьма неоднороден.

В связи с этим правомерен вопрос: существовала ли вообще «система меркантилизма» (*mercantile system* Адама Смита) как связанная и отрефлексированная концепция и идеология государственной политики? Что вообще представлял собой меркантилизм с экономической и особенно финансовой точек зрения? Имеются ли у меркантилизма какие-то метаэкономические основания – например, демографические или экологические? Рассмотрению этих вопросов и посвящена данная статья.

**Меркантилизм: политическая
практика *ad hoc* – осознанная
необходимость или разрушительная
финансовая технология?**

Отдельные элементы исследуемой нами хозяйственной политики регистрируются все тем же Ф. Броделем в глубинах Средневековья: «Этот слишком долговечный меркантилизм, наметившийся в XIV в., быть может, даже в XIII в. при вызывающем изумлении короле Сицилии Фридрихе II, и существовавший еще в XVIII в., определенно не был “системой”, легко поддающийся раз и навсегда определению и обладавший той связностью, которой наделял ее Адам Смит, дабы затем легче лишить ее оправдания» [3, с. 556]. В схожем ключе рассуждает и Р. Камерон, говоря о «системе меркантилизма», что в основе этой хозяй-

ственной политики едва ли лежала какая-либо «система», помимо стремления вечно испытывавших бюджетный дефицит правительств максимизировать свои доходы, а теоретические основания экономической политики были крайне неопределенны: какой-либо оторефлектированной теории или политики, по всей видимости, не существовало [9, с. 164].

Б.Ю. Кагарлицкий отмечает, что «Жан Батист Кольбер, с именем которого связано систематическое обоснование меркантилистской политики, обобщал практический опыт, стихийно накапливавшийся на протяжении по меньшей мере поколения» [8, с. 343]. Однако Кольбер жил в эпоху позднего меркантилизма – меркантилизма торгового баланса, поэтому правильнее говорить о нескольких поколениях функционеров и памфлетистов, предшествовавших великому французскому борозавшему с оттоком металлов из своих стран. Ф. Бродель полагал, что меркантилизм был настойчивым, эгоистичным и агрессивным напором современного государства – в сущности эта хозяйственная политика стала ранней формой идеологии этатизма или, скорее, дирижизма [3, с. 556–557]. Складывается впечатление, что меркантилизм был торговой и финансовой тактикой, применяемой по случаю. Или, как бы мы сейчас сказали, инструментом «ручного управления» – финансовой технологией *ad hoc*. При этом меркантилистская практика, по-видимому, тяготела к экономическому оппортунизму.

С другой стороны, объективно присутствовали некоторые общие элементы экономической политики у всех европейских правительств, что было связано со схожестью потребностей правителей и правящих классов, а также обстоятельств, в ко-

торых они находились в условиях «кризиса XVII века» (о нем далее) [9, с. 165–167].

Вероятно, меркантилизм был осознанной военно-морской и фискальной необходимостью. По мнению К. Маркса, концепция меркантилизма прошла два этапа в своем историческом развитии: для первого была характерна заикленность на проблеме накопления драгоценных металлов в национальном масштабе («монетаризм» Средневековья и Нового времени), для второго – принцип «торгового баланса», допускающий широкое развитие внешней торговли, но при непременном превышении экспорта над импортом. При этом экспорт должен был оплачиваться золотом или серебром [5, с. 378–389].

Дж. М. Кейнс отмечал, что меркантилисты «не обманывались относительно националистического характера их политики и ее тенденций к развязыванию войны. Они единодушно стремились к национальной выгоде и относительному могуществу» [11, с. 320].

На протяжении нескольких тысяч лет в подлунном мире богатство и бедность были «игрой с нулевой суммой»; чтобы стать богатым, нужно было присвоить чужое, уже существующее богатство. Богатство считалось удачей: ведь и русское слово «богатство» предположительно происходит от «бог» или «судьба» и, вероятно, означает «хранимый богами, знак бога». Норвежский экономист Э. Райнерт отмечает, что это видение мира, присущее людям еще с доантичных времен, было закреплено Аристотелем и впоследствии сформировало мировоззрение схоластов. «Выигрыш одного человека есть потеря для другого», – заметил еще Святой Иероним (ок. 341–420). В 1643 году англичанин Томас Браун (1605–1682) утверждал, что «все

не могут быть счастливы одновременно, поскольку слава одного государства строится на развалинах другого» [18, с. 102].

Как представляется, меркантилизм был вызван к жизни объективными обстоятельствами, но в основном оставался инструментом управления «по случаю». Меркантилистская идеология поощряла развитие военно-морского флота с целью захвата заморских территорий. Это с неизбежностью вело к военным столкновениям с туземцами и другими европейскими державами. В финансовом аспекте система меркантилизма предполагала отъем у соседей золота и серебра для насыщения домашней экономики.

Кризис XVII века

Среди одной из причин повального увлечения политикой меркантилизма в Европе XVII в. Б.Ю. Кагарлицкий видит своеобразную комбинацию социальных групп и институтов, которую можно назвать кризисом глобализации образца эпохи Великих географических открытий – кризисом пиратской торговли. После 1492 г. именно посредническая торговля становится самым быстрым и эффективным способом накопления капитала. Торговля часто переходила в пиратский промысел, и наоборот. Однако такой метод эксплуатации общества, предполагающий ограбление заморских территорий, ведет к деградации производства в метрополии и сдерживает рост потребления, что в итоге подрывает производственную базу самого торгового капитала. Переход от торгового капитала к производственному становится ключевым вопросом дальнейшего развития, но сам капитал через собственные социальные структуры осуществить этот переход не может, поскольку это означает снижение нормы при-

были. Кризис XVII века, как и аналогичные провалы рынка в более ранние и в последующие эпохи, вновь поставил на повестку дня вопрос о роли государства в экономике. Ответом европейских правительств был протекционизм, поддержка промышленности «у себя дома» путем создания торговых монополий под покровительством королевской власти [8, с. 345].

Весьма примечателен случай Генри Моргана: известный пират XVII в., грабивший испанские колонии в Америке, вложил отнятое у последних золото в недвижимость, купив 836 акров земли на Ямайке, которые идеально подходили для выращивания сахарного тростника. Жизнь он закончил как крупный плантатор и вице-губернатор Ямайки, однако Морган, вероятно, не любил говорить о том, что пиратство – это просто бизнес. В частности, сэр Генри подал в суд на издателей его биографии, но не потому, что его обвинили в поощрении злодеяний, а в связи с тем, что текст информировал о том, что Морган был наемным работником, когда прибыл на Карибы [20, с. 50–51].

Однако подъем и разложение этой пиратской экономики происходили на вполне определенном фоне. Напомним, что демографический рост в Европе, начавшийся после эпидемии чумы в середине XIV в., обрывается к концу XVI в. и переходит в кризис XVII в., симптомами которого стали Тридцатилетняя война, новая эпидемия чумы и все чаще наблюдавшиеся продовольственные кризисы [13, с. 15]. Ф. Бродель рассуждает по поводу кризиса XVII в.: «То ли горнорудная Америка перестала выполнять свою функцию? То ли наступил один из неблагоприятных поворотов конъюнктуры? И тут на четко определяемом временном отрезке, который отмечается

как перелом в вековом цикле, видна *широкая* деградация мира-экономики. В то время как завершился упадок средиземноморской системы, прежде всего Испании и Италии – та и другая были слишком связаны с американскими драгоценными металлами и с финансовыми потребностями имперских амбиций Габсбургов, новая система в Атлантике в свою очередь расстроилась, оказалась нарушенной» [4, с. 62].

Возможно, свое влияние оказала «революция цен», но более вероятной кажется рост демографического давления в Европе [9, с. 134–135]. Не спасало даже то, что Новый свет в XVI в. потерял две трети коренного населения: еще в 1700 г. численность населения Америки и экономический выпуск оставались на более низком, чем в 1500 г., уровне [16, с. 145] – выселение части «лишнего» европейского населения несколько снижало остроту демографического фактора.

Не стоит забывать и о климате, ухудшение которого является сопутствующим явлением (или причиной?) политики меркантилизма. XIV в. начался с сильнейшего похолодания, возможно, самого серьезного за предыдущие 4500 лет цивилизации. В последней трети XIV в. похолодание сменилось кратковременным потеплением (не более 30–40 лет). Однако уже в начале XV столетия теплый период завершился и пришла новая волна холодов: этот век, в отличие от всех предыдущих и последующих столетий, не знал теплых перерывов, в нем были лишь отдельные теплые годы или даже сезоны. В начале второй половины XV в., вероятно, был достигнут новый абсолютный минимум средней глобальной температуры, который с тех пор повторился лишь однажды – в последнем десятилетии XVII в. [12, с. 288–293]. О глобальном

характере похолодания говорит тот факт, что к середине XVII в. на другой от Европы оконечности континента – в Китае – множатся стихийные бедствия: катастрофические засухи, нашествия саранчи и один за другим следуют крестьянские восстания [2, с. 20].

Таким образом, у меркантилизма были метаэкономические основания – демографические и климатические. Устойчивый рост народонаселения в Европе возобновился только в XVIII в.

Меркантилистский момент истории и мальтузианская ловушка

Добавим несколько социологических штрихов к феномену меркантилизма. А. Бадалян и В. Криворотов анализируют «меркантилистский момент истории». В частности, они проблематизируют предпосылки кризиса XVII в. – религиозные войны века XVI. С одной стороны, эти войны начались между народами, которые веками уживались друг с другом без этнических чисток и, на первый взгляд, неожиданно. С другой стороны, связь этих конфликтов с религией была не строго функциональная, а скорее, стохастическая: католик кардинал Ришелье финансировал германских протестантов, сражающихся против императора Священной Римской империи, Его Католического Величества короля Испании и папства на западе Европы. В Восточной Европе католическая Польша и протестантская Швеция сначала вторгаются в православную Московию во время Смуты. Затем в Тридцатилетнюю войну протестантская Швеция, католическая Венеция, православное Царство Русское и мусульманская Ближневосточная Порта воюют на стороне Протестантской унии против Католической лиги в лице католико-православной Речи

Посполитой, Испании и Ватикана, а в конце войны – и против протестантской Датско-норвежской унии. После Тридцатилетней войны во второй половине XVII в. состоялось три войны между протестантскими Англией и Голландией. А. Бадалян и В. Криворотов резюмируют: «Факт неожиданных союзов подтверждает, что война обычно ведется, по-видимому, не столько за религиозные убеждения, а, скорее, по имущественным мотивам. Группы населения предъявляют свои претензии на имущество, которое не представляло ценности до того. Затем начинается его освоение, в частности, путем вооруженного конфликта, который устанавливает права собственности на спорную территорию согласно военно-политической силе конфликтных групп и группировок» [1, с. 109]. Под имуществом, которое до того не представляло ценности, авторы подразумевают атлантическое побережье Северо-Западной Европы, ставшее после 1492 г. началом и концом пути к драгоценным металлам Нового Света: после путешествий Колумба именно здесь в основном локализовались религиозные войны. Меркантилизм эти авторы характеризуют так: «Меркантилисты являлись ведущим западным экономическим течением вплоть до конца XVIII в. Они верили, что ресурс конечен, и основной задачей является дележка и передел его в свою пользу» [Там же, с. 110]. Напрашиваются параллели с конфликтами на современном нам Ближнем Востоке.

О военно-политической динамике Европы второй половины XIX – первой половины XX в. писал и Дж.М. Кейнс, утверждая, что «самое большое значение имеют, помогая им раздувать пламя народного гнева, экономические причины войны, а именно – *чрезмерный рост населения и конкурентная*

борьба за рынки [курсив наш – Д. Х.]. <...> ...в условиях *laissez-faire* внутри страны и при наличии международного золотого стандарта... правительства не располагали никакими другими средствами для смягчения экономических бедствий в своих странах, кроме конкурентной борьбы за рынки. Ведь все средства борьбы с хронической или перемежающейся безработицей были запрещены, кроме мер, направленных на улучшение торгового баланса за счет его поступлений. <...> Несомненно, здравым смыслом и правильной оценкой хода событий руководствовались те государственные деятели, которые полагали, что если богатая старая страна пренебрегает борьбой за рынки, то ее процветание померкнет и прекратиться» [11, с. 348].

Таким образом, проблему, которую пытался решить меркантилизм, можно определить как мальтузианскую ловушку. Напомним, что мальтузианская ловушка – это типичная для аграрных обществ ситуация, когда рост производства средств к существованию сопровождается обгоняющим демографическим ростом, что в долгосрочной перспективе ведет к снижению подушевого ВВП и ухудшению существования широких народных масс, жизнь которых начинает балансировать на грани физиологического выживания [17, с. 45–55].

А. Бадалян и В. Криворотов полагают, что существуют два принципиально различных выхода из мальтузианской ловушки. Первый соответствует так называемой *меркантилистской традиции* и основан на перераспределении конечных ресурсов находящейся в кризисе и переживающей упадок модели развития мировой экономики, зачастую в процессе войн и революций. Вторым вариантом выхода предполагает заселение бывшей хозяйственной периферии

«ненужными» людьми, вначале согнанными кризисной ситуацией (малоземельем, голодом, огораживаниями и т. п.) в города, а потом их «выплескивание» наружу. Последнее происходило за счет принятия инновационных решений, направленных на создание инфраструктуры нового технологического уклада. В основном не встречая никакого сопротивления, сконцентрированная в городах дешевая рабочая сила могла быть направлена на создание нового мира как бы «с нуля», создавая значительные ценности там, где их до того практически не было [1, с. 236]. Примером может служить план ГОЭРЛО и сталинская индустриализация в советской России.

Однако это «как бы с нуля» намекает на темную сторону рассматриваемых социальных изменений. «Нуля» со времен окончания расселения человека по Земле никогда не было: чтобы собрать избыток населения в города, необходимо «обнулить» их социальный капитал (профессиональную квалификацию, социальные связи и т. п.): например, пролетаризировать бывших квалифицированных ремесленников, низведя их до состояния obsługi высокопроизводительных машин. Можно вспомнить замечания самого Томаса Мальтуса: «Никто так горячо, как я, не желает повышения *действительной* платы за труд, т. е. той платы, которая выражается в количестве продуктов потребления. Но попытка достигнуть этого принудительным повышением нарицательной цены труда (т. е. повышением денежной заработной платы, которая может сопровождаться соответственным или даже большим повышением цены предметов потребления)... представляется мерой бессильной и неблагоразумной. Заработная плата, стоящая на своем естественном уровне, представляет общественный барометр,

имеющий огромное значение: она выражает собой отношение между средствами существования и требованием на них, между количеством продуктов потребления и числом потребителей» [14, с. 35]. Отсюда Т. Мальтус делает вывод о целесообразности естественно сложившегося в его время уровня заработных плат, т. е. зачастую на грани полуголодного существования большинства членов общества.

Дэвид Гребер в своей недавно переведенной на русский язык работе раскрывает мир кредита британских сельских общин эпохи Тюдоров и Стюартов. В этих финансовых системах практически отсутствовало наличное денежное обращение, а кредит равнялся репутации. И этот мир рухнул при распаде сельской общины в перипетиях Нового времени, породив в итоге промышленную революцию [6, с. 334–345]. Он отмечает, что одна из причин, по которой историкам потребовалось столько времени, чтобы выявить сложные народные кредитные системы в Англии XVI–XVII вв., состоит в том, что интеллектуалы той эпохи говорили о деньгах в абстрактном ключе и редко их упоминали. Образованные классы довольно скоро стали понимать под деньгами золото и серебро. Большинство авторов того времени *apriori* полагало, что исторически все народы всегда употребляли золото и серебро в качестве денег и, скорее всего, всегда будут.

Это прямо противоречило открытиям европейских путешественников той эпохи, которые обнаруживали, что повсюду в качестве денег использовались раковины, бусы, перья, соль и бесчисленное множество других вещей. Однако это лишь добавило упрямства ученым-экономистам, для которых ценность драгоценных металлов была очевидна. «В результате, когда коро-

левские советники или лондонские памфлетисты обсуждали экономические проблемы, они всегда поднимали одни и те же вопросы: как нам не допустить утечки драгоценных металлов из страны? Что делать с пагубным дефицитом монет? Для большинства вопросы вроде «Как нам поддерживать доверие в местных кредитных системах?» просто не возникали» [6, с. 346].

**Теорема Томаса эпохи меркантилизма:
в плену «ландшафтной амнезии»**

Почему логика меркантилизма победила, став идеально-типической для той эпохи? По результатам проведенного анализа у автора сложилось следующее видение предмета исследования.

С одной стороны, английский правящий класс мог действительно не замечать народных кредитных систем. В эпоху меркантилизма золото и серебро использовалось преимущественно правительствами для покупки оружия и выплаты солдатского жалованья, а также в преступной среде: кризис XVII в. давал о себе знать! На уровне рутинной повседневности это означало, что металлические деньги были прочно связаны с контекстом военной службы, судебной-следственной деятельности и откровенного криминала. Со временем это привело ко все увеличивавшейся нравственной пропасти между имущими и неимущими слоями населения. Для большинства обывателей, не стремившихся иметь дело с солдатами, преступниками и судебной системой, долг оставался основой социального общения. Для привилегированного меньшинства, которое трудилось в правительственных учреждениях и крупных торговых компаниях, со временем произошло изменение в мировосприятии: обмен наличностью для них стал нормой, а долг стал

приобретать все более преступный оттенок [6, с. 337–338].

Для характеристики такой социальной динамики Джаред Даймонд использует два схожих по значению термина – «ползучая норма» и «ландшафтная амнезия». Первый термин предполагает, что понятие нормы трансформируется в индивидуальном и массовом сознании постепенно и незаметно для большинства членов общества. Медленные и малозаметные изменения могут происходить десятилетиями, прежде чем масштаб изменений начинает «проступать» из Леты, становясь заметным для заинтересованных лиц. «Ландшафтная амнезия» – аналогичный по смыслу термин в отношении условий окружающей природной среды [7, с. 588–592]. В исследуемом случае «амнезия», судя по всему, наблюдалась у интеллектуалов и политических деятелей в отношении «социального ландшафта».

Наконец, эту сторону меркантилизма можно объяснить через так называемую «теорему Томаса». Под теоремой Томаса выдающийся социолог Роберт К. Мертон подразумевал следующее утверждение: «Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны в своих последствиях». Р. Мертон утверждал, что «публичные определения ситуации (пророчества и предсказания) становятся неотъемлемой частью ситуации и, таким образом, влияют на последующее развитие ситуации» [15, с. 607].

Использование концепта «теорема Томаса» в социогуманитарных науках многообразно [21]. В контексте изучения динамики подавления «монетарным» экономическим укладом народной кредитной экономики времен Тюдоров и Стюартов (что, вероятно, можно считать основой распро-

странения меркантилистских воззрений и одним из результатов проведения соответствующей политики) весьма примечательным, на наш взгляд, является следующий пассаж из Р. Мертона: «В начале самоосуществление пророчества является *ложным* определением ситуации, провоцирующим новое поведение, при котором первоначальное ложное представление становится *истинным*. Иллюзорная достоверность самоосуществления пророчества увековечивает власть ошибки. Ибо предсказатель будет ссылаться на реальный ход событий как доказательство того, что он был прав с самого начала» [15, с. 608]. Примерно таков и был ход событий: «принуждение к монете» через налогообложение и трансформация общественного отношения к финансовой категории «долг» преобразовали изначально ложные послышки идеологии меркантилизма в истинные *aposteriori*.

Что же из себя представляла альтернатива машинерии теоремы Томаса, конечным продуктом которой стала система меркантилизма? Вероятно, наиболее ярким случаем стали перекрещенцы (анабаптисты), захватившие и удерживавшие вестфальский город Мюнстер в 1534–1535 гг. [10, с. 151–214], деяния которых стали последним ярким эпизодом «христианского социализма» или «мессианского коммунизма». Напомним, что этот город был захвачен радикальными сектантами, которые провели конфискацию церковного имущества и ввели некоторые элементы коммунизма. Карл Каутский отмечает, что этот коммунизм не пошел дальше упразднения денежной системы. Только частная собственность на драгоценные металлы и монетные деньги была совершенно уничтожена. Из экспроприированных средств был сформирован фонд для отражения агрес-

сии со стороны церковных и светских властей – металлические деньги предназначались для внешнеполитических целей: с их помощью рассылались агитаторы и вербовались ландскнехты [Там же, с. 187]. Мюнстер был утоплен в крови, вожди коммуны были зверски замучены до смерти.

Таким образом, положения меркантилистской философии осуществились благодаря действиям элит, проводящих соответствующую политику. Отчасти самоисполняющееся пророчество меркантилистов уничтожило народные кредитные системы Англии, стигматизировав категорию «долг». Разумеется, высказанные соображения нисколько не умаляют объективные предпосылки формирования системы меркантилизма: «революцию цен», демографическое давление и, вероятно, малый ледниковый период XIV–XVII вв.

Этот аутопоэзный процесс был пронизан насилием. Кроме того, меркантилизм создал «проблему свидетельств» в отношении финансов XVI в., заставив времена народных кредитных систем «потерять голос», попутно уничтожив эти финансовые инструменты через самоисполнение пророчества о нехватке драгоценных металлов и проблем торгового баланса. А довершил эту трансформацию Адам Смит, который в «Богатстве народов», по словам Д. Гребера, «описывает то, что потребовалось для создания мира, в котором сын благоустроенного священника из среднего класса, такой как он, мог просто считать, что вся человеческая жизнь основана на расчетливом, эгоистичном обмене» [6, с. 345].

На наш взгляд, в описанной финансовой (и в значительной мере этической) коллизии одна из причин того, что меркантилизм на поверку весьма разнороден и как будто лишен единой логики функциони-

рования, – мы видим его как «отражение отражений» не только реальной хозяйственной политики, но и попыток ее осмысления, а отчасти – и вытеснения отдельных финансовых практик на периферию общественного сознания.

Литература

1. *Бадалян А.Г., Криворотов В.Ф.* История. Кризисы. Перспективы: новый взгляд на прошлое и будущее / под ред. и с предисл. Г.Г. Малинецкого. – М.: ЛИБРОКОМ, 2010. – 288 с.
2. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное / пер. с фр. Л.Е. Куббеля. – 2-е изд. – М.: Весь Мир, 2006. – 592 с.
3. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2. Игры обмена / пер. с фр. Л.Е. Куббеля. – 2-е изд. – М.: Весь Мир, 2006. – 672 с.
4. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира / пер. с фр. Л.Е. Куббеля. – 2-е изд. – М.: Весь Мир, 2007. – 752 с.
5. Всемирная история экономической мысли: в 6 т.: т. 1 / МГУ им. М.В. Ломоносова; редкол.: В.Н. Черновец (гл. ред.) и др. – М.: Мысль, 1987. – 606 с.
6. *Гребер Д.* Долг: первые 5000 лет истории. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. – 528 с.
7. *Даймонд Дж.* Коллапс: почему одни общества выживают, а другие умирают. – М.: АСТ, 2010. – 762 с.
8. *Кагарлицкий Б.Ю.* От империй – к империализму: государство и возникновение буржуазной цивилизации / Государственный университет – Высшая школа экономики. – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2010. – 680 с.
9. *Камерон Р.* Краткая экономическая история мира от палеолита до наших дней / пер. с англ. Е.Н. Шевцовой. – М.: РОССПЭН, 2001. – 544 с.
10. *Каутский К.* Предшественники новейшего социализма: коммунизм в германской Реформации: пер. с нем. / под ред. И.И. Степанова. – Изд. 2-е. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – 216 с.
11. *Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег / пер. с англ. Н.Н. Любимова. – М.: Гелиос АРВ, 2012. – 352 с.
12. *Клименко В.В.* Климат: непрочитанная глава истории. – М.: Издательский дом МЭИ, 2009. – 408 с.
13. *Ливи Баччи М.* Демографическая история Европы / пер. с итал. А. Мирюлюбовой. – СПб.: Alexandria, 2010. – 304 с.
14. *Мальтус Т.* Опыт о законе народонаселения // Антология экономической классики: в 2 т.: пер. с англ. / предисл., сост. И.А. Столярова. – М.: ЭКОНОВ, 1992. – Т. 2. – С. 5–134.
15. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура: пер. с англ. – М.: АСТ: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 873 с.
16. *Мэддисон Э.* Контуры мировой экономики в 1–2030 гг. Очерки по макроэкономической истории / пер. с англ. Ю. Каптуревского; под ред. О. Филаточевой. – М.: Издательство Института Гайдара, 2015. – 584 с.
17. Проекты и риски будущего: концепции, модели, инструменты, прогнозы / отв. ред. А.А. Акаев и др. – М.: URSS КРАСАНД, 2011. – 432 с.
18. *Райнерт Э.С.* Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / пер. с англ. Н. Автономовой; под ред. В. Автономова; Государственный университет – Высшая школа экономики. – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2011. – 384 с.
19. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов // Антология экономической классики: в 2 т. – М.: ЭКОНОВ, 1991. – Т. 1. – С. 79–396.
20. *Фергюсон Н.* Империя: чем современный мир обязан Британии / пер. с англ. К. Бандуровского. – М.: АСТ: CORPUS, 2014. – 560 с.
21. *Хаустов Д.С.* Теорема Томаса: жизнь одной идеи // Идеи и идеалы. – 2014. – № 3 (21), т. 2. – С. 38–45.

MERCANTILISM: DESTRUCTIVE CREATION, FINANCE AND THOMAS THEOREM'S MACHINERY

D.S. Khaustov

Irkutsk State Railway Transport
University

dmitry.khaustov@rambler.ru

The purpose of the article is to analyze the role of mercantilism in the context of economic policy during the crisis of the XVII century. Traditionally, the study is carried out within the mercantilism economic history discourse. However, the author has given his analysis not only from the standpoint of the theory of finance but also from the standpoints of historical sociology, demography and climate. The author believes that mercantilism can be: a political practice, a perceived need, and a destructive financial technology. The negative aspects of mercantilism as an economic policy and a financial technology are mainly considered in the article. The basic requirements of mercantilism ideology provoked an aggressive foreign policy: intra-wars and the seizure of colonies. It is concluded that mercantilism has metaeconomic reasons: demographic and climatic. The policy of mercantilism was the result of European societies being caught into the Malthusian trap in the XVII century due to overpopulation and global cooling. There are two ways out of the Malthusian trap. The first one involves external aggression with the aim of increasing the proportion of ever diminishing amount of resources of the world economy during the crisis. The second way is the creation of a new, broader resource base through innovations and cheap labor of the marginalized layers of the population. The practical application of the mercantilism ideology in the XVII century became a self-fulfilling prophecy, which stigmatized the category of “duty” and thus destroyed the people’s credit system in the preceding era in England. Credit money was replaced by metal cash in circulation and marginalized workers labor became the prerequisites of the industrial revolution.

Keywords: mercantilism, the crisis of the XVII century, self-fulfilling prophecy, Thomas theorem, the Malthusian trap, people’s credit system.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-3.2-63-74

References

1. Badalyan L.G., Krivorotov V.F. *Istoriya. Kri-zisy. Perspektivy: novyi vzglyad na proshloe i budushchee* [History. Crises. Outlook: a new look at the past and future]. Moscow, Librocom Publishing House, 2010. 288 p.
2. Braudel F. *Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe – XVIIIe siècle. T. 1. Les Structures du Quotidien: le possible et l'impossible*. Paris, Armand Colin, 1979 (In English: *Civilization and capitalism. 15th–18th Centuries. Vol. 1: The Structures of Everyday Life*) (Russ. ed.: Brodel' F. *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. T. 1. Struktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe*. Translated from French. 2nd ed. Moscow, Ves' Mir Publ., 2006. 592 p.).
3. Braudel F. *Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe – XVIIIe siècle. T. 2. Les Jeux de L'Echange*. Paris, Armand Colin, 1979 (In English: *Civilization and capitalism. 15th–18th Centuries. Vol. 2: The wheels of commerce*) (Russ. ed.: Brodel' F. *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. T. 2. Igra obmena*. Translated from French. 2nd ed. Moscow, Ves' Mir Publ., 2006. 672 p.).
4. Braudel F. *Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe – XVIIIe siècle. T. 3. Le temps du monde*. Paris, Armand Colin, 1979 (In English: *Civilization and capitalism. 15th–18th Centuries. Vol. 3: The perspective of the World*) (Russ. ed.: Brodel' F. *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. T. 3. Vremya mira*. Translated from French. 2nd ed. Moscow, Ves' Mir Publ., 2007. 752 p.).

5. Chernovets V.N., chief ed. *Vsemirnaya istoriya ekonomicheskoi mysli*: v 6 t.: t. 1 [The World history of the economic thought. In 6 vol. Vol. 1]. Moscow, Mysl' Publ., 1987. 606 p.
6. Graeber D. *Debt. The First 5000 Years*. New York, Melville House, 2011. 534 p. (Russ. ed.: Greber D. *Dolg: pervye 5000 let istorii*. Translated from English. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2015. 528 p.).
7. Diamond J. *Collaps. How societies choose to fall or succeed*. New York, Viking Press, 2005. 592 p. (Russ. ed.: Daimond Dzh. *Kollaps: pochemu odni obshchestva vyzhivayut, a drugie umirayut*. Translated from English. Moscow, AST Publ., 2010. 762 p.).
8. Kagarlitskii B.Yu. *Ot imperii – k imperializmu: gosudarstvo i vozniknovenie burzhuaznoi tsivilizatsii* [From empires to imperialism. The state and the origin of bourgeois civilization]. Moscow, Higher School of Economics Publishing House, 2010. 680 p.
9. Kameron R. *A concise economic history of the World from paleolithic times to the present*. Oxford, Oxford University Press, 1993. 480 p. (Russ. ed.: Kameron R. *Kratkaya ekonomicheskaya istoriya mira ot paleolita do nashikh dni*. Translated from English. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001. 544 p.).
10. Kautsky K. *Die Vorläufer des neueren Sozialismus*. Bd. 2. *Der Kommunismus in der Deutschen Reformation*. Stuttgart, Dietz, 1920. 332 p. (In English: *Predecessors of modern socialism: communism in the German Reformation*) (Russ. ed.: Kautskii K. *Predshestvenniki noveishogo sotsializma: kommunizm v germanskoi Reformatsii*. Moscow, Librocom Publishing House, 2012. 216 p.).
11. Keynes J.M. *The general theory of employment, interest and money*. London, Macmillan Cambridge University Press, 1936 (reprinted 2007) (Russ. ed.: Keins Dzh.M. *Obshchaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg*. Translated from English. Moscow, Gelios ARV Publ., 2012. 352 p.).
12. Klimenko V.V. *Klimat: neprochitannaya glava istorii i* [Climate: Unread chapter of history]. Moscow, MPEI Publishing House, 2009. 408 p.
13. Livi Bacci M. *La popolazione nella storia D'Europa*. Roma, Bari, Gius. LaTerza&S.p.A., 1998 (In English: *Demographic history of Europe*) (Russ. ed.: Livi Bachchi M. *Demograficheskaya istoriya Evropy*. Translated from Italian. St. Petersburg, Alexandria Publ., 2010. 304 p.).
14. Mal'tus T. *Opyt o zakone narodonaseleniya* [An essay on the principle of population]. *Antologiya ekonomicheskoi klassiki*: v 2 t. [The Anthology of Economic Classics: in 2 vol.]. Moscow, ECONOV Publ., 1992, vol. 2, pp. 5–134. (In Russian)
15. Merton R.K. *Social theory and social structure*. Enl. ed. New York, The Free Press, 1968 (Russ. ed.: Merton R.K. *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura*. Translated from English. Moscow, AST Publ., Khranitel' Publ., 2006. 873 p.).
16. Maddison A. *Contours of the World economy, 1–2030 AD. Essays in Macro-Economic History*. Oxford, Oxford University Press, 2007. 448 p. (Russ. ed.: Meddison E. *Kontury mirovoi ekonomiki v 1–2030 gg. Oberki po makroekonomicheskoi istorii*. Translated from English. Moscow, Gaidar Institute Publ., 2015. 584 p.).
17. Akaev A.A., execut. ed. and all. *Proekty i risiki budushchego: kontseptsii, modeli, instrumenty, prognozy* [Projects and future risks: concepts, models, instruments and forecasts]. Moscow, URSS KRASAND Publ., 2011. 432 p.
18. Reinert E.S. *How rich countries got rich... and why poor countries stay poor*. London, 2007. 365 p. (Russ. ed.: Rainert E.S. *Kak bogatye strany stali bogatymi, i pochemu bednye strany ostayutsya bednymi*. Moscow, Higher School of Economics Publishing House, 2011. 384 p.).
19. Smit A. *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations]. *Antologiya ekonomicheskoi klassiki*: v 2 t. [The Anthology of Economic Classics: in 2 vol.]. Moscow, ECONOV Publ., 1991, vol. 1, pp. 79–396. (In Russian)
20. Ferguson N. *Empire. How Britain made the modern World*. London, Allen Lane, 2003. 417 p. (Russ. ed.: Fergyuoson N. *Imperiya: chem sovremenniy mir obyazan Britanii*. Moscow, AST Publ., CORPUS Publ., 2014. 560 p.).
21. Khaustov D.S. *Teorema Tomasa: zhizn' odnoi idei* [Thomas theorem: the life of one idea]. *Idei i idealy – Ideas & Ideals*, 2014, no. 3 (21), vol. 2, pp. 38–45.